

П. И. Костогрызов
ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ:
«ЗАБЫТАЯ» КАТЕГОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ?

Павел Игоревич Костогрызов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: pkostogryzov@yandex.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу понятия «верховная власть», которое автор считает незаслуженно обойденным вниманием современной политической науки. Несмотря на высокую значимость этого концепта, его определения нет ни в словарях, ни в большинстве учебников и обобщающих трудов.

В юридической науке и государствоведении выражение «верховная власть» используется по меньшей мере с XVI в. В XIX — начале XX в. благодаря исследованиям таких государствоведов, как Борис Чичерин, Александр Алексеев, Николай Коркунов, Георг Еллинек, Лев Тихомиров, Петр Казанский, сформировался научный консенсус относительно понимания верховной власти как юридически неограниченной, полной и безусловной власти в государстве. В начале XXI в. интерес к этой категории возродился, что привело, в частности, к реактуализации прежних концепций. Критически проанализировав существующие на сегодняшний день рассуждения отечественных исследователей на эту тему, автор приходит к выводу, что построение релевантной теории верховной власти, отвечающей современному уровню знаний, требует междисциплинарного подхода и объединения усилий юристов, политологов, историков и социологов. Убедительно продемонстрировав, что в настоящее время эта работа еще далека от завершения, он фокусирует внимание на ряде ключевых для разработки такой теории проблем и намечает возможные направления поиска их решений. По его заключению, категория «верховная власть» обладает значительным эвристическим потенциалом, и ее возвращение в политическую, равно как и в конституционно-правовую, науку обогатило бы их методологический инструментарий. В частности, применение ее при анализе политических систем позволяет за фасадом конституционного разделения властей разглядеть не только кто *правит* (то есть осуществляет то или иное конституционно закрепленное полномочие), но и кто *властвует*, то есть имеет право принятия окончательных решений по ключевым вопросам политической жизни.

Ключевые слова: верховная власть, суверенитет, суверен, источник власти, государствоведение, политическая теория

Было бы весьма поучительно систематически проследить влияние неясной терминологии на историю человеческой мысли и человеческих действий.

Георг Еллинек. Общее учение о государстве.

Верховная власть — основополагающий элемент государства, без которого оно просто немыслимо. Современное государствоведение признает, что «Верховная Власть выступает как формообразующее и связующее начало государственно организованного общества... естественный центр всего политического организма, отсутствие которого превращает любой общественный союз в чисто механическое соединение или весьма неустойчивое образование»¹. Ученые старой школы тоже полагали, что отсутствие в государстве верховной власти означает либо прекращение существования государства *per se*, либо его зависимость от внешней силы: «Если такого верховного носителя нет, если последние решения за государство выносит кто-то другой, то это уже не государство, а провинция, область или что-то иное, входящее в сферу каких-то суверенных властных отношений»².

¹ *Грачев 2009: 74—75.*

² *Алексеев 1998: 540.*

Тем более удивительно, что статус самой категории «верховная власть» в языке современной науки остается неопределенным. Фактически она сегодня является термином без четко установленного значения. Ведущие отечественные академические словари и энциклопедии, как общенаучные, так и специальные — юридические и политические, — не содержат статей «верховная власть». В некоторых из них это словосочетание встречается, но исключительно в составе дефиниций других понятий. Например, Большая российская энциклопедия характеризует главу государства как «высшее должностное лицо, которому принадлежит верховная гос. власть»³. Подобное заявление лишь вводит читателя в заблуждение. Как известно, объем власти главы государства очень сильно различается от страны к стране. Главы многих современных государств — парламентских монархий и республик — обладают весьма ограниченными полномочиями, у глав президентских республик и абсолютных монархий полномочий гораздо больше. Если согласиться с тем, что и первым, и вторым «принадлежит верховная государственная власть», то придется признать, что это понятие вообще лишено конкретного содержания.

³ *Большая российская энциклопедия б.г.*

В авторитетном учебнике по теории государства и права под редакцией Сергея Алексеева⁴ «верховная власть» упоминается 11 раз, причем в одном случае она отождествляется с законодательной властью, в другом говорится о «верховой власти народа», в третьем перечисляются «органы верховной власти — парламент и президент», а в большинстве остальных это словосочетание входит в определение формы правления. Это еще одна особенность современного употребления данного термина — через него определяются другие понятия (чаще всего «форма правления»), но дефиниции самой верховной власти не дается.

⁴ *Алексеев (ред.) 1998.*

Несколько чаще словосочетание «верховная власть» встречается в работах по конституционному праву, но тоже, как правило, без четкого

⁵ До некоторой степени исключение составляют работы Александра Кокотова (см. Кокотов и Кукушкин (ред.) 2003: 21—23; Кокотов 2018: 36—43).

⁶ Хорошильцев 2016: 95.

⁷ Начало этой традиции положил еще Шарль Монтескье (см. Монтескье 1955).

⁸ Stanford Encyclopedia 2020; Encyclopædia Britannica 2021; Dictionary 2021; Larousse 2021; Enciclopedia jurídica 2021.

⁹ Ясаи 2008.

¹⁰ См., напр. Хардт и Негри 2004.

¹¹ Еллинек 2004: 241.

¹² См. Heywood 2004: 92.

¹³ Агамбен 2011.

определения⁵. Даже в исследовании Александра Хорошильцева, специально посвященном юридической кратологии, то есть науке о власти, лишь констатируется, что верховная власть «стоит над другими видами» власти⁶. Не находим мы дефиниции этого понятия и в трудах по политической философии и теории.

Видимо, большинство ученых воспринимает «верховную власть» как понятие с очевидным значением, наподобие «точки» или «прямой» в евклидовой геометрии. Но если под «точкой» все использующие это слово подразумевают одно и то же, то в случае «верховой власти» дело обстоит иначе. Иногда это словосочетание употребляют в «относительном» смысле, когда хотят сказать, что некий орган является последней инстанцией в одной из ветвей власти («верховная законодательная власть», «верховная судебная власть»), или указать на относительное верховенство той или иной ветви, как правило законодательной, над другими⁷. В иных ситуациях оно понимается «абсолютно» — как власть, стоящая над всеми ветвями или объединяющая их в себе.

В близком к «верховой власти» значении часто используется термин «суверенитет». Эти категории действительно во многом схожи, а в некоторых контекстах даже идентичны. Но между ними есть и существенное различие. Суверенитет всегда выступает как абстракция — свойство (государственной) власти или объем полномочий, которым обладает властвующий субъект. Он может кому-то принадлежать, кем-то осуществляться и т.д., но не может совершать никаких действий. Напротив, верховная власть — обычно конкретный субъект действия, актор. Мы можем сказать: «верховная власть решила», «приказ верховной власти», «этот вопрос относится к компетенции верховной власти», но если заменить в этих выражениях «верховную власть» на «суверенитет», то они потеряют смысл. Обе категории объединяются в понятие «суверен» — носитель верховной власти, обладатель суверенитета, субъект, полномочный принимать окончательные политические решения, воля которого не подчинена и не подотчетна никакой другой. Однако термин «суверен» в языке современной отечественной науки используется еще реже, чем «верховная власть».

Недостаточно разработана категория «верховная власть» и в западной политической философии второй половины XX — начала XXI в. Авторитетные академические словари⁸ не содержат ее определения, современные политологи используют ее без четкой дефиниции. Даже те авторы, которые оперируют понятием «суверен», как, например, Энтони де Ясаи⁹, не предпринимают попыток разделить суверена и государство, и первый у них просто репрезентирует второе¹⁰. Тенденция к растворению верховной власти в понятии суверенитета как атрибута государства, отмеченная еще на рубеже XIX и XX вв. Георгом Еллинеком¹¹, стала доминирующей после Второй мировой войны и в основном сохранила такую позицию до настоящего времени¹². Переломить ее попытался Джордж Агамбен¹³, вернувшийся к идеям Карла Шмитта о суверенной власти и даже радикализировавший их, но определения этой власти нет и у него.

Такое «забвение» политической наукой одной из важнейших ее категорий не может быть случайным. Возможное объяснение этого феномена видится нам в том, что сама эта наука в высшей степени подвержена воздействию политической практики и несвободна от влияния политических интересов. Доминирование в ней тех или иных теоретических подходов в значительной мере отражает динамику интересов и идейно-политических ориентаций правящих сил¹⁴. Основная политическая тенденция последних двух веков заключается в том, что во всех странах вне зависимости от формы правления и типа режима все больше полномочий перетекает от носителей верховной власти к непрерывно разрастающемуся правительственному аппарату. Составляющая его бюрократия, *de facto* превратившаяся в правящий класс современных обществ, заинтересована в том, чтобы подлинный хозяин тех властных полномочий, которыми она безраздельно пользуется и распоряжается, как можно реже проявлял активность. А для этого лучше, чтобы само его наличие пребывало на периферии общественного сознания, в том числе научного. Поэтому категории «верховная власть» и «суверен» и были вытеснены из языка науки XX — начала XXI в.

¹⁴ Васечко 2020: 69—88.

Но в таком маргинальном положении понятие «верховная власть» находилось не всегда. Политической и юридической науке оно известно по крайней мере с XVI в. и до начала XX столетия использовалось весьма активно. Очевидно, существовавшая тогда конфигурация политического пространства в большей степени способствовала «видимости» суверенов (в качестве каковых чаще всего выступали монархи), и ее научная рефлексия породила соответствующую категорию.

Многие мыслители Нового времени употребляли в очень близком значении термин «суверенитет» («суверенная власть») — прежде всего Жан Боден, первым придавший ему смысл, сходный с современным¹⁵, а вслед за ним и Жан-Жак Руссо. До конца XVIII в. термины «верховная власть» и «суверенитет» оставались почти синонимами. Так их воспринимали и сами суверены (в частности, Екатерина II и Павел I¹⁶), и, скажем, авторы Декларации прав человека и гражданина 1789 г.

¹⁵ Bodin 1992; Десятарева 2000.

¹⁶ Скоробогатов 2017: 88.

В XIX в. содержание двух терминов стало расходиться. Понимание суверенитета все больше приближалось к современному, а верховная власть теперь мыслилась как активное начало государственности, воплощенное в конкретном политическом субъекте, обладающем всей полнотой суверенных полномочий и действенно их использующем. Именно так трактовали категорию «верховная власть» выдающиеся русские ученые XIX — начала XX в. — от Бориса Чичерина до Петра Казанского. Немалый вклад в ее разработку внесли также немецкие теоретики, прежде всего Еллинек. В итоге сформировался научный консенсус по поводу содержания этого понятия. Хотя как таковой дефиниции верховной власти эти авторы не давали, ее сущность все они оценивали вполне однозначно.

Виднейший русский государствовед XIX в. Чичерин характеризовал верховную власть следующим образом: «Совокупность принадлежащих

ей прав есть полновластие, как внутреннее, так и внешнее. Юридически она ничем не ограничена; она может делать все, что считает нужным для общего блага... она не подчиняется ничьему суду, ибо, если бы был высший судья, то ему принадлежала бы верховная власть. Она источник всякого положительного закона, который она может устанавливать, изменять и отменять по усмотрению. Она верховный судья всякого права, ибо право определяется законом, а закон устанавливается верховною властью. Наконец, она источник всякой государственной власти и верховный судья всех других властей. Одним словом, это власть в юридической области полная и безусловная»¹⁷. Согласны с ним были Николай Коркунов, указывавший на синонимичность «верховенства» и «неограниченности»¹⁸, Александр Алексеев, писавший, что верховная власть «неограниченна по своему существу»¹⁹, и другие юристы того времени.

¹⁷ Чичерин 1894: 61.

¹⁸ Коркунов 1899: 199.

¹⁹ Алексеев 1897: 221—222.

Учредительную природу и универсальность манифестаций верховной власти подчеркивал Лев Тихомиров: «Верховная власть есть по своему существу власть учредительная, а потому связана одинаково со всеми специализированными проявлениями государственного действия. Ее учредительный характер, проявившись в организации учреждений, и после того не исчезает, а вечно проявляется одинаково во всех отраслях государственного бытия. Но эти проявления имеют характер особого, чрезвычайного действия, на которое не имеют права никакие подчиненные, созданные ею учреждения»²⁰.

²⁰ Тихомиров 2008: 401.

В начале XXI в. интерес к категории верховной власти в российской науке возродился. Ряд ученых, неудовлетворенных господствующим смутным представлением о ней, направил свои усилия на выявление ее сути. Вполне закономерным в этом контексте стало обращение к наработкам предшественников. Наметила тенденция к реактуализации дореволюционной концепции верховной власти. Некоторые исследователи используют этот термин как полноценное научное понятие и именно в том смысле, который в него вкладывали авторы XIX — начала XX в. Опираясь на достижения русской и немецкой научной школы, они разрабатывают современную теорию верховной власти.

Одним из первых в постсоветские годы к этой теме обратился профессор Кокотов (ныне судья Конституционного суда РФ), выделивший в курсе конституционного права верховную власть как основной предмет отраслевого регулирования. По его формулировке, «верховная власть определяет устройство общества и государства, учреждая их основные институты. При этом устройство самой верховной власти вправе определять только она сама... она в отличие от иных институтов публичной власти выводима сама из себя»²¹. Той же позиции придерживается он и в недавней работе, где пишет, что верховная власть учреждает «государственную оболочку» общества, «а в ее рамках определяет собственное устройство. То есть она предстает инстанцией последнего решения, выводимой из самой себя»²².

²¹ Кокотов и Кукушкин (ред.) 2003: 22.

²² Кокотов 2018: 39.

²³ Грачев 2009, 2019.

Наиболее детально в современном отечественном государствоведении концепция верховной власти разработана Николаем Грачевым²³.

Развивая идеи российских и западноевропейских ученых XIX — начала XX в. и в целом соглашаясь с основными их положениями, он продвинулся существенно дальше (в том числе предложив собственную дефиницию верховной власти). Сходным образом трактуют верховную власть и некоторые другие ученые, например Жанна Овсепян²⁴.

²⁴ Овсепян 2017.

Но все эти авторы — правоведы, и их работы опубликованы в юридических изданиях. Политическая теория пока не уделяет верховной власти должного внимания. Между тем эта категория способна стать эффективным инструментом анализа политических систем (в частности, при выявлении расхождений между конституционно закрепленным и фактическим распределением властных функций и полномочий между носителем суверенитета и государственным аппаратом). Построение релевантной теории верховной власти, отвечающей современному уровню знаний, требует трансдисциплинарного подхода и объединения усилий юристов, политологов, историков и социологов. В настоящее время эта работа еще далека от завершения. Остается целый ряд нерешенных проблем. Перечислим основные из них и попытаемся наметить возможные направления поиска их решений.

Первая и, наверное, ключевая *проблема* — соотношение верховной власти и государства. Большинство современных ученых ее просто не видит. Чаще всего речь у них идет о верховной власти государства или верховной власти в государстве, что отражает господствующее представление о суверенитете как атрибуте последнего. При таком подходе остается лишь определить, является ли носителем верховной власти государство в целом или же какой-то (один либо несколько) из его органов. Так, Грачев характеризует верховную власть как «наиболее высокую ступень, последнюю инстанцию в иерархической системе организации государственной власти»²⁵, то есть он хотя и не приписывает верховную власть некоему одному органу, но располагает ее внутри государства как системы таких органов.

²⁵ Грачев 2009: 69—70.

Вообще, объектом современной рефлексии властно-политических явлений редко становятся сущности, выходящие за пределы государства, а *rigori* рассматриваемого как горизонт политического универсума и «максимальный» субъект политики в пределах одной страны. Между тем допустим и иной подход. Возможно, правильнее говорить не о верховной власти государства, а о верховной власти *над* государством. С этой точки зрения государство — орудие суверена, создаваемое им для достижения целей, которые ставит он сам. В этом проявляется его учредительная власть как важнейший аспект верховной власти. Такой взгляд позволяет снять некоторые противоречия, в частности прояснить роль народа как носителя верховной власти в демократическом государстве.

Представление о трансцендентности суверена по отношению к учреждаемому и управляемому им государству господствовало в европейской политической мысли вплоть до XVIII в. Шмитт прямо выводит его

²⁶ Шмитт 2000: 75.

²⁷ См. Палиенко 1903: 312; Кистяковский 1913: 20.

²⁸ Маритен 2000.

²⁹ Агамбен 2011: 59.

³⁰ Хорошильцев 2017: 35.

из теологической идеи трансцендентности Бога по отношению к своему творению²⁶. С распространением рационализма и особенно философии Просвещения возобладала имманентистская установка — верховная власть была помещена внутрь государства, стала мыслиться как его атрибут. Но еще в конце XIX в. авторитетный немецкий государствовед Макс фон Зайдель настаивал, что господствующая воля суверена не принадлежит государству, а стоит над ним²⁷; в середине XX в. ту же идею развивал французский философ-неотомист Жак Маритен²⁸. В современной европейской науке сходной позиции придерживается Агамбен, по мнению которого суверен не может быть помещен «ни внутри, ни вне учреждаемого порядка»²⁹, а в российской — Хорошильцев: «Народ как учредитель государства, учредительная власть народа и конституция „возвышаются над“ государством и системой его власти. При этом <они> оказываются вне государства. Они „над“ ним»³⁰. Принадлежащую народу верховную власть Хорошильцев разделяет на учредительную и текущую. С этим можно согласиться, но необходимо учитывать, что речь идет лишь о проявлениях или аспектах единой верховной власти, которой в демократическом государстве обладает народ. Что касается особой «власти конституции», то наделение юридического документа, пусть и наивысшей силы, собственной «агентностью» представляется сомнительным.

Вторая проблема, непосредственно связанная с первой, касается происхождения верховной власти: возникает ли она вместе с государством или раньше? Ведь власть вообще — не ровесница государства, она существовала в человеческом обществе с момента его возникновения. Можно ли говорить о верховной власти применительно к догосударственному периоду истории? Логически это выглядит верным: поскольку верховная власть учреждает государство, она должна предшествовать ему. Но так ли это исторически? При положительном ответе на этот вопрос получается, что верховная власть присутствовала в социуме еще до образования государства — видимо, в форме общинных институтов. Отрицательный ответ предполагает, что верховная власть и государство возникают одновременно. В любом случае вопрос требует дополнительного исследования.

Третья проблема: следует ли различать источник верховной власти и ее носителя? Боден и другие сторонники божественного происхождения суверенитета разделяли эти понятия — для них источником верховной власти был Бог, который делегировал ее носителю в лице монарха. Рационалистическая теория, отказавшись от теологических аргументов, встала на позицию отождествления источника и носителя верховной власти. Суверенитет неотчуждаем и нерепрезентируем, считал, в частности, Руссо³¹. На этом основании он отвергал представительную демократию, так как только прямая демократия позволяет народу-суверену на деле осуществлять свое верховенство.

³¹ Руссо 1998: 80.

В современной отечественной науке нет единого мнения по этому вопросу. Причем взаимоисключающие ответы на него могут даваться одним автором в пределах одного текста. Так, Овсепян указывает, что носитель суверенитета «несет ответственность перед источником верховной власти», а уже в следующем предложении говорит о «субъекте, являющемся источником и носителем суверенитета»³².

³² Овсепян 2017: 26.

Четвертая и, пожалуй, самая важная и сложная **проблема** учения о верховной власти в том виде, в каком нам его оставили мыслители прошлого, — пределы ее полномочий. Практически все дореволюционные авторы сходились в том, что юридически она неограниченна. В целом с этим согласны и современные государствоведы. Но трагический опыт XVIII—XIX и особенно XX вв. вызвал в науке настороженное отношение к идее неограниченной власти. Утвердилось представление, что должен быть некий предел, *non plus ultra*, за который не может заступать даже верховная власть, — естественные права, нравственные законы и т. п.

Стремление удержать понятие суверенитета, или верховенства власти, с одной стороны, и правового государства, неприкосновенности прав личности — с другой, вызвало к жизни идею суверенитета права, активно разрабатывавшуюся в первые десятилетия XX в. Гуго Краббе и Гансом Кельзенем³³. Но, несмотря на всю свою привлекательность, она не лишена изъянов. Во-первых, при позитивистской трактовке права (а сторонники этой идеи, при всех оговорках, остаются позитивистами) оно оказывается одновременно и сувереном, стоящим над государством, и продуктом правотворческой деятельности этого самого государства. Во-вторых, правовые нормы, в отличие от физических законов, приводятся в действие не объективными безличными силами, а определенными социальными институтами. Если таким институтом является государство, то каким образом право сможет встать *над* ним? Если же существует другой институт, способный принудить государство к подчинению «суверенному» праву, то именно он, а не право и будет носителем верховной власти.

³³ Овсепян 2017: 24—25.

Первое противоречие в принципе разрешимо, если принять естественно-правовую точку зрения, которой, кстати, придерживались и основоположники теории суверенитета. Боден наделял суверенную власть свойством абсолютности только в сфере конкретно-политических и конкретно-юридических отношений, создаваемых и регулируемых самой властью. Для него не подлежало сомнению, что суверен подчинен божественным и естественным законам, имплементация которых в земную реальность и составляет, собственно, его главную обязанность. Если рассматривать право как существующее объективно, независимо от воли суверена-законодателя, то попытка найти в нем естественный предел верховной власти обретает основание. Естественно-правовое правопонимание постепенно отвоевывает себе место в умах юристов³⁴. Но вторая трудность этим не снимается: пусть даже объективно существующее право независимо от верховной власти

³⁴ Лобовиков 1998, 2005; Ливеровский 2018: 232—242.

и обязательно для нее, *кто* сможет заставить ее подчиниться этому праву, если она не сочтет нужным следовать ему добровольно? А ведь суверенитет немислим без возможности принуждения. Иными словами, являясь одним из перспективных направлений в развитии учения о верховной власти, идея права как ограничителя полновластия суверена нуждается в дальнейшей разработке.

Большинство же теоретиков XIX — начала XX в. (Чичерин, Еллинек, Тихомиров и др.) видело единственно возможное решение проблемы пределов верховной власти в ограничении ее внеюридическими нормами — религиозными и этическими. Так, Чичерин указывал, что «всякие ее ограничения могут быть только нравственные, а не юридические. Будучи юридически безгранична, верховная власть находит предел как в собственном нравственном сознании, так и в совести граждан»³⁵. Тихомиров уделял особое внимание теме религиозно-нравственного идеала, общего для верховной власти и ее подданных, воплощению которого эта власть призвана служить³⁶. «Выше власти Монарха — власть Бога, Монарх... отвечает перед судом Божиим... Для Верховной Власти обязательны и предписания христианской нравственности», — утверждал Казанский³⁷. Однако, оставаясь в рамках *юридического государствоведения*, все они отрицали возможность существования силы, способной принудить суверена подчиняться каким бы то ни было нормам. Верховная власть — «это власть в юридической области полная и безусловная»³⁸, «носитель Верховной власти юридически может все»³⁹ — таково последнее слово старой школы государствоведения. Созданное Еллинеком учение о самоограничении верховной власти, по замечанию Тихомирова, «имеет выразить не факт ограничения, а тот факт, что ограничить Верховную власть может только она сама... Она властна *сама* отменить эти „самоограничения“ и установить вместо них новые или совсем не устанавливать никаких»⁴⁰.

Таким образом, рассуждение о пределах верховной власти обретает смысл, только когда наш взгляд поднимается над горизонтом правовой материи. Помимо норм, маркирующих эти пределы, должна иметься организованная сила, способная воздействовать на самого суверена, если тот попытается выйти за них. То есть верховная власть может быть ограничена не столько юридически, сколько институционально, и исследование этой возможности составляет предмет политической, а не юридической науки.

Если принять выдвинутую выше гипотезу о нетождественности суверена и государства, то резонно говорить о гражданском обществе и государстве как о двух организованных силах, обладающих властью (не только в политическом смысле). Государство создается сувереном и получает свою власть от него в порядке делегирования. Что же касается общества, то оно предшествует (и логически, и исторически) верховной власти, и присущие ему властные потенции не производны от нее. На этот дуализм указывал Еллинек, отмечая, что «поглощение государством координированных и подчиненных ему публичных властей...

³⁵ Чичерин 1894: 61.

³⁶ См. Тихомиров 1992.

³⁷ Казанский 1999: 371.

³⁸ Чичерин 1894: 61.

³⁹ Тихомиров 2008: 481.

⁴⁰ Там же: 481—482.

⁴¹ *Еллинек 2004:*
245.

⁴² *Жувенель 2010.*

является одним из характерных признаков политического развития новейшего времени»⁴¹. Динамика противостояния социальной и государственной власти, в ходе которого вторая постепенно вытесняет первую, одну за другой переподчиняя себе сферы ее доминирования, была детально рассмотрена Бертраном де Жувенелем⁴².

Общественная и государственная организация суть две опоры верховной власти. А поскольку опереться можно только на то, что оказывает сопротивление, они вместе с тем выступают и институциональными ограничителями юридически полномочного суверена. Одновременно они сдерживают друг друга, тем самым защищая верховную власть от узурпации со стороны как государства (понимаемого как аппарат управления), так и организованных групп в социуме. Оптимальной для суверена стратегией является поддержание баланса между обществом и государством, так чтобы ни одно из них не смогло поглотить другое. Исторически, конечно, поглощающей силой всегда было государство; даже если складывалось впечатление, что общество или какая-то его часть взяли над ним верх (например, в периоды революций), вскоре обнаруживалось, что государство не только вернуло утраченные позиции, но и усилилось. Утрата же самостоятельной власти обществом приводит к неограниченности не верховной власти, а государственного аппарата, который присваивает полномочия суверена. Поэтому один из самых проницательных русских государствоведов — Тихомиров — подчеркивал важность *социального строя* для устойчивости верховной власти⁴³.

⁴³ *Тихомиров 1992:*
500—535.

Итак, институциональное ограничение власти суверена реально, но природа его не юридическая, а политическая. В каждый момент времени в каждой стране соотношение сил организованного общества и государственного аппарата определяет фактический объем полномочий верховной власти и ее реальные возможности.

Теоретически допустим и иной подход к решению проблемы пределов верховной власти — через демаркацию самой области политического. Общество, признавая над собой власть суверена, вверяет ему управление политической сферой социального бытия. Но что входит в эту сферу и кто это определяет? Здесь уместно вспомнить учение славянофилов, согласно которому народ, добровольно отказываясь от политической свободы, перекладывает бремя власти на царя, но оставляет себе свободу быта. Решение о том, где проходит грань между «политической» и «бытом», принадлежит самому народу: он признает над собой власть царя-суверена, но сам очерчивает круг вопросов, на которые она распространяется. Таким образом, общественный договор (в любом его понимании) должен включать демаркацию границ политического.

Данная концепция выглядит логично и привлекательно, но, как показывает история, несмотря на все старания общества отстоять границы неполитического, публичная власть неуклонно расширяет свой домен — происходит экспансия политического во всё новые сферы социальной жизни. Приходится признать правоту Шмитта, заметившего,

⁴⁴ Шмитт 2000: 12.

что «решение о том, является ли нечто *неполитическим*, всегда означает *политическое* решение»⁴⁴, и оно в конечном счете остается за носителем верховной власти. И здесь исследовательская мысль с неизбежностью вновь обращается к вопросу об институциональных ограничениях полновластия суверена.

⁴⁵ Чичерин 1894: 60—61; Алексеев 1897: 221.

Пятая проблема — дефиниция верховной власти. Как уже говорилось, в научном сообществе консенсус по этому вопросу до сих пор не сложился. Государствоведы XIX — начала XX в. определяли верховную власть, так сказать, аналитически, путем перечисления присущих ей признаков: она едина, постоянна и непрерывна, державна, священна, ненарушима, неограниченна, безответственна, вездесуща и выступает источником всякой государственной власти⁴⁵, это власть крайняя, чрезвычайная, последняя⁴⁶, учредительная, умеряющая, последнего решения⁴⁷.

⁴⁶ Казанский 1999: 226.

⁴⁷ Захаров 2002: 324.

⁴⁸ Грачев 2009: 57.

В современной российской науке поиском точной дефиниции верховной власти занимается Грачев. Отмечая, что «носителем суверенитета или... верховной властью является тот субъект властной деятельности, которому принадлежит право на окончательные решения по наиболее важным, значимым вопросам жизни государства, тот, который обладает монополией на эти последние решения»⁴⁸, и указывая на «неразрывную связь явления суверенитета с институтом Верховной государственной Власти, наличия в государстве ее конкретного непосредственного носителя (держателя)»⁴⁹, он определяет *государственный суверенитет* как «признанную народом (легитимную), внешне неприводимую, постоянную, юридически неограниченную Верховную Власть государства, обладающую универсальными полномочиями на управление государством в целом и концентрирующую в своих руках монопольное право на принятие окончательных решений по всем важным вопросам общегосударственного (общенационального) значения»⁵⁰. Нетрудно заметить, что предлагаемое Грачевым понимание суверенитета совпадает с тем значением, в котором употребляли данный термин дореволюционные государствоведы и в котором он синонимичен верховной власти. Поэтому приведенную дефиницию можно преобразовать в определение последней — для этого достаточно просто убрать из дефиниенса прилагательное «верховная».

⁴⁹ Там же: 71.

⁵⁰ Там же: 69.

⁵¹ Там же: 70.

Сам Грачев пытается разграничить понятия суверенитета и верховной власти и четко определить отношения между ними. Верховная власть для него — «реальное, фактическое выражение суверенитета государства»⁵¹, то есть суверенитет трактуется им как абстрактное, умопостижимое понятие, а верховная власть — как его конкретное проявление в мире феноменального. Но в заглавии параграфа, из которого взята рассматриваемая дефиниция, — «Суверенитет как феномен Верховной государственной Власти» — между этими понятиями устанавливаются уже обратные отношения: суверенитет оказывается феноменом, а верховная власть — ноуменом. Это показывает, насколько трудно в действительности разграничить данные категории. Впрочем, на наш

взгляд, такое разграничение вовсе не обязательно: если мы берем их в том значении, какое придавалось им теоретиками XIX — начала XX в. (а Грачев, вне сомнения, использует эти понятия именно так), то они синонимичны. В соответствии с наиболее распространенным в современной науке толкованием суверенитета как атрибута государства он есть абстракция, а верховная власть — конкретный его носитель или обладатель.

⁵² Грачев 2019: 22.

В своей недавней работе Грачев дает более краткое определение верховной власти: «с организационно-правовой точки зрения верховная власть представляет собой последнюю инстанцию в иерархической системе организации государственной власти, высший властный центр в государстве, наделенный правом принимать окончательные решения по всем вопросам общегосударственного значения»⁵². В этой дефиниции нам кажется не вполне удачным слово «инстанция», способное породить ложное впечатление, что верховная власть — один из органов государства, пусть и самый высший, тогда как она стоит над всеми государственными инстанциями, а те суть ее «эманации», поскольку именно она делегирует им те полномочия, которые они осуществляют.

⁵³ Костогрызлов 2016.

Верховная власть действительно может принадлежать определенному органу — например, когда монарх одновременно выступает как суверен и как глава государства, а иногда еще и как глава исполнительной власти и один из органов власти законодательной. Такая модель существовала, в частности, в Российской империи с издания Основных законов в редакции 23 апреля 1906 г. до падения монархии⁵³. Однако и в этих случаях необходимо четко различать действия монарха как суверена и как носителя специальных полномочий одной из властей управительных.

Но так бывает далеко не всегда. При демократическом типе верховной власти, наиболее распространенном в современном мире, носителем верховной власти является народ, который, разумеется, не может быть «государственным органом» или «инстанцией».

⁵⁴ Грачев 2009: 75.

На наш взгляд, более точно характеризует положение верховной власти как надгосударственного начала другое замечание Грачева: «государство управляется Верховной Властью»⁵⁴. Здесь верховная власть выступает как субъект, который может рассматриваться отдельно от государства.

⁵⁵ Там же: 63.

Если допустить гипотетическую возможность демаркации пределов компетенции суверена правом (естественным или каким-то другим), то в дефиниции следует смягчить утверждение о юридической неограниченности верховной власти. По-видимому, более корректной будет формулировка «наиболее полная власть», ибо, по справедливому замечанию Грачева, «идея полновластия — это и есть основа классической теории суверенитета как самодержавия верховной власти»⁵⁵. Выражение «наиболее полная» (а не просто «полная») указывает на то, что фактическая мера этого полновластия в каждом конкретном случае определяется социальными, политическими и иными обстоятельствами

исторического момента, при том что в общем виде «содержание понятия полновластия как основной идеи верховной власти заключается: 1) в принадлежности всей полноты государственной власти в полном объеме субъекту (субъектам) Верховной Власти, чьи функции и полномочия охватывают всю государственную деятельность без изъятия и служат источником полномочий всех других, производных от нее и подчиненных ей властных структур... 2) в концентрации всех жизненно важных для государства вопросов и предметов ведения, а также исключительного права принятия решений по ним в руках Верховной Власти; 3) в прерогативе Верховной Власти участвовать во всех проявлениях государственной жизни»⁵⁶.

⁵⁶ Там же: 62.

С учетом этих уточнений нам представляется возможным следующим образом переформулировать данное Грачевым определение: *верховная власть — это наиболее полная, суверенная, постоянная и непроизводная политическая власть в стране, обладающая универсальными полномочиями на управление государством и на принятие окончательных решений по всем вопросам общенационального значения, являющаяся источником всех государственных властей*.

Верховная власть не случайно здесь названа источником именно «всех государственных властей», а не «всех властей в государстве», так как на территории государства могут существовать и иные публичные власти, не производные от нее. В частности, к таковым, как нам кажется, следует (вопреки мнению Тихомирова) отнести местное самоуправление, полномочия которого делегируются ему не верховной властью, а соответствующими локальными сообществами. Разнообразные примеры политической власти, подчиненной верховной, но не производной от нее, дает история. Это власть местных общин в традиционных государствах (до Нового времени), власть Церкви в средневековой Европе и т.д.

Конкретное содержание (полномочия, прерогативы) верховной власти определяются государственно-правовой традицией и правопорядком, которые складываются в данном обществе в данное время и не во всем зависят от воли суверена.

Шестая проблема — это функции верховной власти. По справедливому замечанию Грачева, в современной научной литературе, когда заходит речь о функциях государства, не проводится «их размежевания с функциями государственного аппарата (механизма)»⁵⁷, а вопрос о функциях верховной власти вообще не ставится. К таковым сам Грачев относит учреждение государства и политическое управление государственно организованным обществом как единым целостным организмом, что, в свою очередь, предполагает принятие важнейших, стратегических решений и роль арбитра между всеми политическими и социальными силами⁵⁸. С этим нельзя не согласиться.

⁵⁷ Грачев 2019: 15.

⁵⁸ Там же: 22—24.

Предметом углубленного исследования должен стать вопрос о формах непосредственного действия верховной власти и о самой возможности такого действия в современных политиях. Как уже говорилось,

в конце Нового и в Новейшее время произошла постепенная узурпация суверенитета государственным аппаратом, что фактически (полностью или почти) исключило реальное, активное участие носителей верховной власти в осуществлении своих полномочий.

С одной стороны, это можно расценить как признак совершенства современных механизмов управления, ведь чем лучше организовано государство, тем реже возникает необходимость прямого проявления верховной власти. С другой стороны, ни один политический организм не может быть полностью избавлен от такой необходимости, а значит, верховная власть должна постоянно пребывать, так сказать, в бодрствующем состоянии, «сохраняя возможность непосредственно принятия на себя любой управленческой задачи и функции, а также право принятия любого решения при ее осуществлении»⁵⁹. Одна из проблем большинства современных политий — чисто номинальное существование верховной власти, которая на практике оказывается отгеснена государственным аппаратом от реализации своих функций. Но чтобы решить эту проблему, ее сначала нужно теоретически от-рефлексировать, а наука пока не обращает на нее того внимания, какого она заслуживает.

⁵⁹ Там же: 25.

Итак, категория «верховная власть» обладает значительным эвристическим потенциалом, и ее возвращение в политическую, равно как и в конституционно-правовую, науку, на наш взгляд, обогатило бы их методологический инструментарий. В частности, применение ее при анализе политических систем (как современных, так и исторических) позволяет за фасадом конституционного разделения властей разглядеть не только кто *правит* (то есть осуществляет то или иное конституционно закрепленное полномочие), но и кто *властвует*, то есть имеет право принятия окончательных, «крайних» решений по ключевым вопросам политической жизни.

Библиография

- Агамбен Дж. (2011) *Ното sacer: Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
- Алексеев А.С. (1897) *Русское государственное право*. М.: Типография Общества распространения полезных книг.
- Алексеев Н.Н. (1998) *Русский народ и государство*. М.: Аграф.
- Алексеев С.С., ред. (1998) *Теория государства и права: Учебник для юридических вузов и факультетов*. М.: ИНФРА-М.
- Большая российская энциклопедия*. URL: <https://bigenc.ru/law/text/2362910> (проверено 10.05.2020).
- Васечко В.Ю. (2020) «Наука под патронажем кесаря-политарха» // *Антиномии*, т. 20, вып. 1: 69—88.
- Грачев Н.И. (2009) *Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества*. М.: Зерцало-М.

Грачев Н.И. (2019) «Функции государства, верховной власти и государственного аппарата» // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, № 3 (128): 15–27. URL: http://www.xn--80af5bzc.xn--p1ai/documents/vestnik/03_2019.pdf (проверено 12.05.2021).

Дегтярева М.И. (2000) «Разработка понятия суверенитета Жаном Боденом» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 157–169.

Еллинек Г. (2004) *Общее учение о государстве*. СПб.: Юридический центр.

Жувенель Б. де. (2010) *Власть: Естественная история ее возрастания*. М.: ИРИСЭН; Мысль.

Казанский П.Е. (1999) *Власть Всероссийского Императора*. М.: Журнал «Москва».

Кистяковский Б.А. (1913). *Сущность государственной власти*. Ярославль: Демидовский юридический лицей.

Кокотов А.Н. (2018). «О предмете конституционно-правового регулирования» // *Актуальные проблемы российского права*, № 10 (95): 36–43. URL: <https://aprp.msai.ru/jour/article/view/962/925#> (проверено 12.05.2021).

Кокотов А.Н. и М.И.Кукушкин, ред. (2003). *Конституционное право России*. М.: Юрист.

Коркунов Н.М. (1908) *Русское государственное право*. СПб: Типография М.М.Стасюлевича.

Костогрызов П.И. (2016) «Разделение властей по Основным Законам Российской Империи в редакции 23 апреля 1906 г.» // *Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 10–11 декабря 2015 г.* Ч. 2. СПб.: Элек-Сис: 5–9. URL: <https://www.academia.edu/30362081> (проверено: 10.12.2020).

Ливеровский А.А. (2018) «Развитие понятийного аппарата конституционного права» // *Право. Журнал Высшей школы экономики*, № 2: 229–247. URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2018/08/01/1152219604/%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (проверено 12.05.2021).

Лобовиков В.О. (1998) *Математическое правоведение. Ч. 1: Естественное право*. Екатеринбург: Гуманитарный университет; Уральская государственная юридическая академия.

Лобовиков В.О. (2005) *Математическая логика естественного права и политической экономики*. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН.

Маритен Ж. (2000) *Человек и государство*. М.: Идея-Пресс.

Монтескье Ш. (1955) «О духе законов» // Монтескье Ш. *Избранные произведения*. М.: Госполитиздат: 159–734.

Овсепян Ж.И. (2017). «Суверенитет как естественное публичное право: о модификации представлений о природе и характере суверенитета, об этапах (поколениях) и направлениях его научных исследований» //

Журнал российского права, № 2: 14—30. URL: <https://jrpnorma.ru/articles/article-1812.pdf?1619359488> (проверено 12.05.2021).

Палиенко Н.Н. (1903) *Суверенитет: Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение*. Ярославль: Типография губернского правления.

Руссо Ж.-Ж. (1998) *Об общественном договоре, или Принципы политического права*. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле.

Скоробогатов А.В. (2017) *Правовая политика России в царствование императора Павла I*. М.: Юрлитинформ.

Тихомиров Л.А. (1992) *Монархическая государственность*. СПб.: Комплект.

Тихомиров Л.А. (2008) *Руководящие идеи русской жизни*. М.: Институт русской цивилизации. URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/l_tihomirov_rukovodyashhie_idei_russkoj_zhizni.pdf (проверено 12.05.2021).

Хардт М. и А.Негри. (2004) *Империя*. М.: Праксис. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/hardt-negri-imperiya.pdf> (проверено 12.05.2021).

Хорошильцев А.И. (2016) *Введение в юридическую кратологию*. Курск: РОСИ.

Хорошильцев А.И. (2017) «О понятии власти государства» // *Провинциальные научные записки*, № 2 (6): 35—37.

Чичерин Б.Н. (1894) *Курс государственной науки*. Ч. 1. М.: Типо-литография товарищества И.Н.Кушнерев и Ко.

Шмитт К. (2000) *Политическая теология*. М.: КАНОН-пресс-Ц. URL: <http://pavroz.ru/files/schmittpt.pdf> (проверено 12.05.2021).

Ясаи Э. де. (2008) *Государство*. М.: ИРИСЭН.

Bodin J. (1992) *On Sovereignty: Six Books of the Commonwealth*. Cambridge: Cambridge University Press.

Dictionary by Merriam-Webster. (2021) URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed on 10.04.2021).

Enciclopedia jurídica. (2021) URL: <http://www.encyclopedia-juridica.com> (accessed on 10.04.2021)

Encyclopædia Britannica. (2021) URL: <https://www.britannica.com> (accessed on 10.04.2021).

Heywood A. (2004) *Political Theory*. New York: Palgrave Macmillan.

Larousse. (2021) URL: <https://www.larousse.fr/encycopedie> (accessed on 10.04.2021).

Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive. (2020) URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/index.html> (accessed on 10.04.2021).

πολιτικά

P. I. Kostogryzov
**SUPREME POWER:
 “FORGOTTEN” CATEGORY
 IN POLITICAL SCIENCE?**

Pavel I. Kostogryzov — Ph.D. in History; Senior Researcher at the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: pkostogryzov@yandex.ru.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the concept of supreme power, which, according to the author, is undeservedly neglected by the modern Political Science. Despite the high importance of this concept, its definition is lacking in dictionaries, as well as most textbooks and reviews.

Legal Science and State Studies have known this concept at least since the 16th century. In the 19th and early 20th centuries, due to the works of such scientists as Boris Chicherin, Alexander Alekseev, Nikolay Korkunov, Georg Jellinek, Lev Tikhomirov, Petr Kazansky the academic consensus was formed that supreme power can be defined as legally unlimited, complete and unconditional power in the state. At the beginning of the 21st century, the interest in this category has revived, which resulted, in particular, in the previous concepts becoming relevant again.

After having critically analyzed the existing ideas of the Russian researchers on this topic, the author comes to the conclusion that elaboration of the relevant theory of the supreme power that lives up to the modern level of knowledge, requires interdisciplinary approach and combined effort from lawyers, political scientists, historians, and sociologists. Having convincingly demonstrated that today this task is still far from being complete, he focuses on a number of key problems for the development of such a theory and outlines possible directions for finding their solution. According to his conclusion, the category “supreme power” has a significant heuristic potential, and its “return” to political, as well as constitutional and legal, science would enrich their methodological tools. In particular, its application to the analysis of political systems makes it possible to discern behind the facade of the constitutional separation of powers not only who *governs* (i.e., exercises this or that authority granted by the constitution), but also who *rules* i.e., has the right to make final decisions on key issues of political life.

Keywords: supreme power, sovereignty, sovereign, source of power, state studies, political theory

References

- Agamben G. (2011) *Homo sacer: Suverennaja vlast' i golaja zhizn'* [Homo sacer: Il potere sovrano e la nuda vita]. Moscow: Evropa. (In Russ.)
- Alekseev A.S. (1897) *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian State Law]. Moscow: Tipografija Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig. (In Russ.)
- Alekseev N.N. (1998) *Russkij narod i gosudarstvo* [Russian People and State]. Moscow: Agraf. (In Russ.)
- Alekseev S.S., ed. (1998) *Teorija gosudarstva i prava: Uchebnik dlja juridicheskikh vuzov i fakul'tetov* [Theory of State and Law: Textbook for Law Schools and Faculties]. Moscow: INFRA-M. (In Russ.)
- Bodin J. (1992) *On Sovereignty: Six Books of the Commonwealth*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bol'shaja rossijskaja entsiklopedija* [Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/law/text/2362910>. (accessed on 10.05.2020). (In Russ.)
- Chicherin B.N. (1894) *Kurs gosudarstvennoj nauki* [State Science Course]. Part 1. Moscow: Tipo-litografija tovarishchestva I.N.Kushnerev i Ko. (In Russ.)
- Degtyareva M.I. (2000) "Razrabotka ponjatija suvereniteta Zhanom Bodenom" [Development of the Sovereignty Concept by Jean Bodin] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 157–169. (In Russ.)
- Dictionary by Merriam-Webster*. (2021) URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed on 10.04.2021).
- Enciclopedia jurídica*. (2021) URL: <http://www.enciclopedia-juridica.com> (accessed on 10.04.2021).
- Encyclopædia Britannica*. (2021) URL: <https://www.britannica.com> (accessed on 10.04.2021).
- Grachev N.I. (2009) *Proiskhozhdenie suvereniteta: Verkhovnaja vlast' v mirovozzrenii i praktike gosudarstvennogo stroitel'stva traditsionnogo obshchestva* [Origins of the Sovereignty: Supreme Power in the World-view and Practice of State-building of Traditional Society]. Moscow: Zertsalo-M. (In Russ.)
- Grachev N.I. (2019) "Funktsii gosudarstva, verkhovnoj vlasti i gosudarstvennogo apparata" [Functions of the State, Supreme Power and State Apparatus] // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], no. 3 (128): 15–27. URL: http://www.xn--80af5bzc.xn--plai/documents/vestnik/03_2019.pdf (accessed on 12.05.2021). (In Russ.)
- Hardt M. and A.Negri. (2004) *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis. URL: <http://www.marsexx.ru/lit/hardt-negri-imperiya.pdf> (accessed on 12.05.2021). (In Russ.)
- Heywood A. (2004) *Political Theory*. New York: Palgrave Macmillan.
- Jasay A. de. (2008) *Gosudarstvo* [The State]. Moscow: IRISEN. (In Russ.)
- Jellinek G. (2004) *Obshchee uchenie o gosudarstve* [Allgemeine Staatslehre]. St Petersburg: Juridicheskij tsentr. (In Russ.)

Jouvenel B. de. (2010) *Vlast': Estestvennaja istorija ee vozrastanija* [Du pouvoir: Histoire naturelle de sa croissance]. Moscow: IRISEN; Mysl'. (In Russ.)

Kazansky P.E. (1999) *Vlast' Vserossijskogo Imperatora* [Power of the All-Russian Emperor]. Moscow: Zhurnal "Moskva". (In Russ.)

Khoroshiltsev A.I. (2016) *Vvedenie v juridicheskiju kratologiju* [Introduction to Juridical Kratology]. Kursk: ROSI. (In Russ.)

Khoroshiltsev A.I. (2017) "O ponjatii vlasti gosudarstva" [On the Concept of Power of the State] // *Provintsial'nye nauchnye zapiski* [Provincial Scientific Notes], no. 2 (6): 35–37. (In Russ.)

Kistiakovskiy B.A. (1913). *Sushchnost' gosudarstvennoj vlasti* [Essence of the State Power]. Yaroslavl: Demidovskij juridicheskij litsej. (In Russ.)

Kokotov A.N. (2018). "O predmete konstitucionno-pravovogo regulirovaniya" [The Subject Matter of Constitutional Law and Legal Regulation] // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], no. 10 (95): 36–43. URL: <https://aprp.msal.ru/jour/article/view/962/925#> (accessed on 12.05.2021). (In Russ.)

Kokotov A.N. and M.I.Kukushkin, eds. (2003). *Konstitucionnoe pravo Rossii*. [Constitutional Law of Russia]. Moscow: Jurist. (In Russ.)

Korkunov N.M. (1908) *Russkoe gosudarstvennoe pravo* [Russian State Law]. St Petersburg: Tipografija M.M.Stasyulevicha. (In Russ.)

Kostogryzov P.I. (2016) "Razdelenie vlastej po Osnovnym Zakonom Rossijskoj Imperii v redaktsii 23 aprelya 1906 g." [Separation of Powers According to the Fundamental Laws of the Russian Empire as Amended on April 23, 1906] // *Tavrisheskie chtenija 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istorija i sovremennost'. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferentsija, S.-Peterburg, Tavrisheskij dvorets, 10–11 dekabrja 2015 g.* [Readings in Tavrishesky Palace 2015. Actual Problems of Parliamentarianism: History and Modernity]. Part 2. St Petersburg: Elek-Sis: 5–9. URL: <https://www.academia.edu/30362081> (accessed on 10.12. 2020). (In Russ.)

Larousse. (2021) URL: <https://www.larousse.fr/encyclopedie> (accessed on 10.04.2021).

Liverovskii A.A. (2018). "Razvitie ponjatijnogo apparata konstitucionnogo prava" [Development of Constitutional Law Conceptual Framework] // *Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], no. 2: 229–247. URL: <https://law-journal.hse.ru/data/2018/08/01/1152219604/%D0%BB%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9.pdf> (accessed on 12.05.2021). (In Russ.)

Lobovikov V.O. (1998) *Matematicheskoe pravovedenie. Ch. I: Estestvennoe pravo* [Mathematical Jurisprudence. Part 1: Natural Law]. Ekaterinburg: Gumanitarnyj universitet; Ural'skaja gosudarstvennaja juridicheskaja akademija. (In Russ.)

Lobovikov V.O. (2005) *Matematicheskaja logika estestvennogo prava i politicheskaj ekonomii* [Mathematical Logic of Natural Law and Political Economy]. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN. (In Russ.)

Maritain J. (2000) *Chelovek i gosudarstvo* [Man and the State]. Moscow: Ideja-Press. (In Russ.)

Montesquieu Ch. (1955) “O dukhe zakonov” [De l’esprit des loix] // Montesquieu Ch. *Izbrannye proizvedenija* [Selected Works]. Moscow: Gospolitizdat: 159—734. (In Russ.)

Ovsepyan Zh.I. (2017) “Suverenitet kak estestvennoe publichnoe pravo: o modifikatsii predstavlenij o prirode i kharaktere suvereniteta, ob etapakh (pokolenijakh) i napravlenijakh ego nauchnykh issledovanij” [Sovereignty as a Natural Public Right: Modification of Ideas about the Nature and Character of Sovereignty, about the Stages (Generations) and Its Scientific Research] // *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], no. 2: 14—30. URL: <https://jrpnorma.ru/articles/article-1812.pdf?1619359488> (accessed on 12.05.2021). (In Russ.)

Palienko N.N. (1903) *Suverenitet. Istoricheskoe razvitie idei suvereniteta i ee pravovoe znachenie* [Sovereignty: Historical Development of the Idea of Sovereignty and Its Legal Significance]. Yaroslavl: Tipografija gubernskogo pravlenija. (In Russ.)

Rousseau J.-J. (1998) *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava* [Du contrat social; ou Principes du droit politique]. Moscow: KANON-press; Kuchkovo pole. (In Russ.)

Schmitt C. (2000) *Politicheskaja teologija* [Politische Theologie]. Moscow: KANON-press-Ts. URL: <http://pavroz.ru/files/schmittpt.pdf> (accessed on 12.05.2021). (In Russ.)

Skorobogatov A.V. (2017) *Pravovaja politika Rossii v tsarstvovanie imperatora Pavla I* [Legal Policy of Russia during the Reign of Emperor Paul I]. Moscow: Jurlitinform. (In Russ.)

Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive. (2020) URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/index.html> (accessed on 10.04.2021).

Tikhomirov L.A. (1992) *Monarkhicheskaja gosudarstvennost'* [Monarchical Statehood]. St Petersburg: Komplekt. (In Russ.)

Tikhomirov L.A. (2008) *Rukovodjashchie idei russkoj zhizni* [Guiding Ideas of Russian Life]. Moscow: Institut russkoj tsivilizatsii. URL: https://legitimist.ru/lib/philosophy/l_tihomirov_rukovodyashhie_idei_russkoj_zhizni.pdf (accessed on 12.05.2021). (In Russ.)

Vasechko V.Ju. (2020) “Nauka pod patronazhem kesarja-politarkha” [Science under Caesar-Politarch’s Patronage] // *Antinomii* [Antinomies], vol. 20, issue 1: 69—88. (In Russ.)